

научно-практическая конференция. - Москва-Иркутск, октябрь 1995.

6. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. - Антология экономической классики: В 2 т. - М., 1993. - С.62.

7. Основы политической науки: Учебное пособие. - М., 1993. - Ч.1. - С.219.

8. Политическая социология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - С.231.

9. Соловьев Э.Ю. Дефицит правопонимания в русской моральной философии. - Прошлое толкует нас. - М., 1991. - С.231.

10. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ // Международный журнал социальных наук. - 1994. - № 3. - С.91.

11. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. - Смысл и значение истории. - М., 1991. - С.179.

12. Baruch B. Philosophy of our Time. - N.Y., 1954. - P.36.

13. Dewey J. Problems of Men. - N.Y., 1954. - P.36.

14. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. - Edinburgh, Edinburgh University Press, 1966.

15. Shils E. Tradition. - London, 1981.

Ж.И. Дарханов

Улан-Удэ

Проблема национальной идеи в имперологии

В постсоветское время вопрос о национальной идее обходили стороной, боясь нападок со стороны либералов-западников. Любые стремления сформулировать национальную идею воспринимались как попытки восстановления коммунистической идеологии. Сторонники имперской национальной идеи были вытеснены в оппозицию, а сам термин «империя» стал нарицательным и нес негативный оттенок («империя зла»). Однако после 2000 года ситуация изменилась. Имперская идея стала востребована самой властью, и вопрос о национальной идее стал вновь актуальным. Но современные условия требуют переосмыслить саму имперскую идею, которая нуждается в ясном самоопределении по ключевым для нее вопросам.

В действительности основания для разногласий сводятся к одному общему вопросу – вопросу о самоидентификации империи. Этот вопрос тесно связан с проблемой самосознания имперской нации. Дело в том, что в современной России сложились оптимальные условия для формирования имперского национального самосознания. Здесь следует отметить, что под «имперской нацией» понимают как великороссов – носителей имперского наследия, так и все население России. Эта неоднозначная трактовка имперской нации связана с проблемой самоидентификации Российской империи. Данная проблема охватывает все уровни идентификации – этнический, религиозный, цивилизационный и геополитический уровни. Существуют два различных подхода к феномену Российской империи, внешне схожих, но отличающихся по своей сути – византизм и евразийство.

При поверхностном анализе византизм и евразийство представляют собой одно и то же на-

правление. Представители этих направлений сходятся в общей идее Российской империи как великой исторической сверхдержавы, образующей самостоятельный цивилизационный полюс, наделенной уникальной эсхатологической миссией, исполнению которой посвящена вся жизнь имперской нации и всей соответствующей цивилизации. Идея великой Империи, объединяющая византийцев и евразийцев, создает иллюзию родственности этих направлений. Однако при внешнем сходстве византизма и евразийства, существует внутреннее различие. «Византийцы» и «евразийцы» по-разному объясняют историю зарождения Российской империи. Это исконное противоречие порождает собой череду последующих разногласий. Изначально разойдясь в мнении о генезисе империи, византийцы и евразийцы по-своему трактуют исторические цели империи, ее эсхатологическую миссию, способы существования.

Разные подходы к познанию генезиса империи определяют противоречие в вопросе об исторических корнях Российской империи. Так, евразийцы, а позднее неоевразийцы взяли на вооружение идею географического детерминизма. Традиция геодетерминистской мысли имеет богатую и глубокую историю, и вовсе не лишена определенной правоты. В России эта традиция была представлена знаменитой работой Николая Данилевского «Россия и Европа» (1870), которая задолго до Шпенглера и Тойнби предложила ту самую теорию несоизмеримых «культурно-исторических типов», которая сегодня называется «цивилизационным методом». В этой работе Данилевский противопоставляет Россию Европе как «славянский тип» «романо-германскому типу». В отличие от евразийцев,

византийцы опираются на культурологический подход. С точки зрения византизма, генезис Российской империи обусловлен историософским наследием Восточной Римской империи. Для евразийства главным фактором становится территориальное наследие Золотой Орды, а также ее административная система управления.

И вот здесь мы приходим к исходной точке размежевания между византизмом и евразийством: если для византизма главное – это религия, конкретно Православие, то для евразийства главное – это этническая география, конкретно Евразия. И когда неоевразийцы в конце XX века свели свое учение к чистой геополитике, восприняв также западную геостратегическую методологию, то в этом не было ничего противоречивого – они лишь только вернулись к мировоззренческой основе своих предшественников – географическому детерминизму. Поэтому современные евразийцы видят в России, прежде всего, конкретное пространство, которое большей своей частью действительно находится в Азии и соприкасается с азиатскими народами и культурами больше, чем с европейскими, и поэтому для них география важнее истории, а этнография важнее религии.

Однако современное евразийство далеко не ограничивается одними геодетерминистскими выкладками, как, например, их геополитические враги “атлантисты”, для которых территориальные законы развития государства являются лишь средством для экспансии, а не смыслом существования. Наши же евразийцы вкладывают в понятие Евразии нечто большее, чем чисто географическое значение, наполняя его особыми гуманитарными смыслами, и именно здесь евразийство как геополитическая программа превращается во всеобъемлющую идеологию.

С точки зрения византизма, византийское начало в русской культуре – это начало универсальное и поскольку Россия стала ведущим наследником Византии, то это начало делает Россию мессианским государством всемирно-исторического значения. «Известный тезис “Москва – третий Рим” не имел ни малейшего оттенка самодовольства. Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточно-христианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься». Византийцы утверждают, что евразийское начало в русской культуре необязательно. Оно, по их мнению, не имеет особого смысла, оно лишь досталась в наследие от двухсотлетней монгольской оккупации.

Византизм видит рождение исторической России в древнем Киевском княжестве и воспринимает двухсотлетнюю монгольскую оккупацию как глобальную катастрофу русской истории, хотя и по-своему созидательную. Евразийство начинает историю России с момента “монгольского соладычества”, а к домонгольскому периоду относится с презрением как к чисто европейскому прецеденту русской культуры. Византизм утверждает православное христианство безальтернативной основой русской культуры, основным стержнем имперской идеи.

Казалось бы сложившаяся историческая ситуация требует от имперского движения в России окончательного внутреннего размежевания по линии “византизм – евразийство”. Некоторые исследователи, сторонники византизма полагают, что наступил момент, «когда обе линии не должны больше молчаливо терпеть существование друг друга в некогда общем движении, ибо исчезли те внешние причины, которые порождали иллюзию их единства. Либо Россия – христианская страна, либо “многоконфессиональная” страна; либо Россия – страна конкретной европейской идентичности, либо абстрактной “евразийской идентичности”; либо Россия начинается с Киевского княжества, либо с монгольской Орды; либо Москва – Третий Рим, либо Третий Сарай. Либо мы отрицаем Запад за его отступление от универсальных христианских ценностей и переживаем это как внутреннюю боль, либо нет этих ценностей и мы отрицаем Запад сам по себе».

На наш взгляд, такая точка зрения ошибочна, в силу того, что сами по себе эти направления не самодостаточны. Ошибка византизма заключается в заикливании на идее Великой вселенской миссии православия. Безусловно, данная идея может служить стержнем империи. Однако необходимо учитывать тот факт, что Российская империя этнически и конфессионально неоднородна. Византийцы отрицают право на существование других конфессий в рамках Российской империи. По их мнению, Россия должна быть православной христианской империей, несущей истинную веру всей ойкумене. После падения Византии, светоч подлинной веры подхватила Российская империя, а русский народ стал избранным для служения богу. Недаром русские летописцы называли государство русское – Святая Русь. На наш взгляд, данная концепция устарела много столетий назад. Она была актуальна в период именно Киевской Руси, когда не было даже мысли о продвижении на Восток. Она идеально подходила для консолидации русского этноса в условиях противостояния экспан-

сии Востока и Запада. Под влиянием Ордынского владычества государственная административная система управления будущего русского государства строилась по монгольскому образцу. Первым, перенявшим опыт управления у империи Чингисхана, было Московское княжество. Иван Калита, а за ним все московские князья, получили представление о строительстве мощного централизованного государства – империи.

Одновременно с расширением Московского царства претерпевала изменения идея русского православия. Опираясь на опыт монгольской империи, православие стало толерантным к другим вероисповеданиям. Это был закономерный этап развития империи. Если ранее православное христианство было агрессивной религией (достаточно вспомнить крещение «огнем и мечем» самой Руси), то теперь оно (христианство) терпимее относилось к вероисповеданию новых этносов, входивших в состав Русского царства. Это существенно снижало центробежные тенденции империи. Византийство недооценивает роль Ордынского влияния на процесс генезиса Русской империи. В действительности, (а также согласно точке зрения евразийцев) роль Монгольского владычества трудно переоценить. «Монгольская экспансия XIII века была одним из важных и судьбоносных взрывов в истории человечества, которые время от времени меняют судьбы мира. По масштабам своего влияния на всемирную историю оно может быть соотнесено с варварскими нашествиями V века, которые опрокинули Римскую империю, положив конец древнему миру, а также с триумфальным маршем ислама в VII столетии. Несмотря на всю их значимость для культурной и экономической истории Европы, крестовые походы, которые представляли противоположное движение – контратаку христианского Запада против ислама, достигли гораздо более ограниченных целей и принесли с собой меньшие территориальные изменения, нежели арабский натиск, не говоря уже о монгольском потоке».

Надо сказать, что славянорусы домонгольского периода были совершенно не имперским народом, в общем, даже не этатистским, без особенного государственного инстинкта. Они формировались в последние века до нашей эры в обстановке спокойной, на обширном, малонаселенном ландшафте. Они были достаточно похожи на кельтов, своих отдаленных предков, вольнолюбием и установкой на федерализм. Единая Киевская Русь существует только в школьных учебниках. Русь всегда была федерацией земель-княжеств. Среди князей выделялся для общего

удобства первый среди равных, Великий князь Киевский, потом – Владимирский, но до централизованной державы было далеко. Все были за единство, однако – против единой державы. Усилия объединителей Андрея Боголюбского и Всеволода III, при всем их таланте и могуществе, были тщетны. Их не понимали. Русь и так была велика и обильна.

Кроме заимствования государственной, административной, налоговой и военной систем, Российская империя приобрела статус правопреемницы Орды. Этот факт существенно облегчал задачу молодой империи расширения границ на Восток. Для кочевых племен «белый царь» отождествлялся с «белым ханом» – правителем Золотой Орды. Поскольку эти племена считали себя данниками «белого хана», то процесс интегрирования их в имперскую систему происходил безболезненно, за редким исключением. «Русь ухитрялась быть единственным государством в мировой истории, включившим в орбиту своего культурного влияния кочевников и полукочевников».

Византийцы понимают Российскую империю как унифицированное православное государство с единственным имперским этносом – русскими. Здесь заключается чуть ли не самая фундаментальная ошибка. Одним из условий, определяющих империю, является самоидентификация империи как федеративного государства. Держава с унитарной формой государственного устройства, несмотря на большую территорию, огромный военный потенциал, имперские амбиции не будет являться империей. Дело в том, что в империи народы, включенные в ее состав, благодаря определенному суверенитету, несут в себе некий имперский дух, имперскую идею. «Таким образом ... империя не может существовать без понятия провинции, а «провинция» – это не оскорбление, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории. В истории Руси классическая иллюстрация сказанного – Касимовское царство, основанное целым кланом выехавших на русскую службу волжских татар во главе с царевичем Касимом. Касимовские царевичи неоднократно являли пример героизма на русской службе. Да, в XV в. Касимов – это некоторый противовес Казани, но в XVII в. – какая Казань?! Кто мог угрожать на этом направлении России?

А тем не менее никто не упраздняет Касимовское царство. Там чеканят свою монету. Оно остается действительно государством в рамках России. Разве что правители этого царства титуловались не касимовскими царями, а касимовскими царевичами. Царь – это ведь титул импе-

раторский. Единственная причина, по которой Касимовское царство было упразднено как самостоятельное государственное образование, это пресечение династии.

Другой пример. 1611 год, Смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ - Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские.

Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемис, то есть марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу - враг моего врага мой друг - казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы первой мировой войны по возможности на немцев - слишком натерпелись от англичан.

1. Махнач В., Империи в мировой истории, <http://www.rus.ru:8082/antalog/inoe/mahn2.htm>

2. Малер А., Теория империи, <http://www.imperiya.ru>

3. Вернадский Г.В., Монголы и Русь.

Происходит же совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и отправляются освобождать Москву. Мне встречались суждения, объясняющие это исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы».

Как мы выяснили, византийское направление не имеет перспективы, по крайней мере, в нынешнем виде. Единственно, чем оно может заинтересовать исследователей империологии - это наличие имперской идеи православия, наделенной уникальной эсхатологической миссией, исполнению которой посвящена вся жизнь имперской нации и всей соответствующей цивилизации. Перефразируя замечательного ученого и евразийца Л.Н. Гумилёва, говорившего, что «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава», можно сказать: если человечество ещё получит шанс на спасение, то этим шансом будет Евразийская империя - империя, сохраняющаяся в глубинах русского мира.

4. Махнач В., Империи в мировой истории, <http://www.rus.ru:8082/antalog/inoe/mahn2.htm>

5. Там же.

Е.А.Вахнина

Н.Н. Страхов о вере и нравственной жизни

Strahov is one of thinkers who possesses conservative views. Most of his works are devoted to spiritual values such as faith, liberty, justice and so on. According his opinion only faith helps to preserve man's originality, creative abilities, spiritual basement which will be able to help descendants to develop their inner world and spiritual life and live in harmony with each other.

Сегодня актуальной является идея о необходимости возрождения и внедрения в массовое сознание мировоззрения, которое бы основывалось на российских традициях с их преобладанием духовного над материальным, культом скромности, взаимопомощи, веры, благочестия. Приходит осознание того, что нам, отечеству нашему, не подходят заимствования извне, насаждение чуждых норм жизни, ценностей. Технологическое влияние Запада, не подрывающее самобытных основ русской культуры, - неизбежно и полезно, особенно принимая во внимание процессы глобализации. Однако следует искать свой, отличный от западного, путь, учитывая при этом неподражаемую ментальность

русского народа. Россия должна войти в новую систему нравственных координат, где весомую роль будут играть некогда забытые, теперь пробудившиеся, духовные начала, мораль, идеалы единства - все то, что издавна составляло суть русской консервативной идеи.

Н.Н. Страхов (1828-1896) - один из мыслителей, который в полной мере разделял и придерживался консервативных взглядов. Его неординарную личность уместно соотносить с идеалом православно мыслящего человека, с «царем в голове», с той глубинной внутренней религиозностью и с тем духовным капиталом философской культуры, истоки которой кроются в воспитании и образовании (родители и предки